

**ЕЛЕНА
СОТНИКОВА**

**МАМА
для
ЧУЖОГО НАСЛЕДНИКА**

Елена Сотникова

Мама для чужого наследника

«Автор»

2021

Сотникова Е.

Мама для чужого наследника / Е. Сотникова — «Автор», 2021

Я родила сына от чужих людей. Они отказались от ребенка еще на стадии беременности без объяснения причин, оставив мне выбор, что делать дальше. А я не смогла отдать малыша в детский дом. Полюбила его всей душой. Но через несколько лет на моем пороге объявились биологические родители Илюши и потребовали отдать его им. Отец мальчика – влиятельный бизнесмен. Ему нужен наследник. И он пойдет на что угодно, чтобы забрать у меня сына.

© Сотникова Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Сотникова

Мама для чужого наследника

Пролог

– София Андреевна, вынуждена вам сообщить, что биологические родители ребенка от него отказались, – словно холодный душ, на мою голову обрушивается ошеломляющая новость.

Я сижу в просторном светлом кабинете женской консультации. В одной из дорогих современных клиник женского здоровья. Напротив ведущего врача этого учреждения.

– Что? – не верю своим ушам.

Инстинктивно прижимаю руку к животу.

Мне все еще кажется, что я ослышалась.

Такого просто не может быть!

Это абсурд!

Это неправда.

Это как вообще?

Искать суррогатную мать по личным предпочтениям, гонять ее по всем анализам и обследованиям, требовать соблюдать определенную диету, образ жизни, распорядок дня – и после всего этого отказаться?

Но тяжелая пауза в разговоре и серьезный сосредоточенный вид моей собеседницы не оставляют мне шансов.

– Увы. Это первый случай в моей практике. Как оказалось, так тоже бывает. Вы можете не переживать за вознаграждение. Оно в полном объеме поступит на ваш счет в ближайшие дни. Поверьте, это не худшее, что могло случиться. Вам вообще, можно сказать, повезло. Вы же помните, что вас взяли вопреки всем устоявшимся нормам и правилам? – морщит нос Алисия Алексеевна. – И готовы выполнить все условия договора. Ну, почти все, учитывая сложившиеся обстоятельства.

В чем-то она права. На роль суррогатной мамы берут здоровую девушку определенного возраста с условием, что она родила не менее одного ребенка.

Я подходила под все эти параметры, кроме последнего. Детей у меня нет. И не было.

О том, что ищут кандидатку на роль инкубатора, мне рассказала подруга. Она общалась со знакомой, наблюдавшей в этой клинике, и случайно узнала, что заказчики хотят не просто обычную женщину, а с определенным набором внешних данных. Невысокого роста, стройную, привлекательной внешности, с кудрявым типом волос.

Частично я соответствовала этим параметрам. Но отсутствие детей ставило крест на всех надеждах.

Как можно идти на собеседование, когда в условиях законодательства четко прописано: наличие хотя бы одного ребенка старше года?!

Однако Кристи уговорила попробовать. Намекнув, что, если я понравлюсь заказчикам, на такие мелочи закроют глаза. Подобные случаи уже были. Негласные, но все же. Договориться всегда можно. В конце концов, кто платит, тот и командует парадом.

А деньги мне сейчас очень нужны. Когда-то мы с мамой перебрались в Россию из другой страны. Планы были наполеоновские, и, возможно, все получилось бы, если бы маму не подвело здоровье. Инсульт, паралич и долгий период восстановления.

Я не могла оставить ее надолго одну, поэтому работать приходилось всего по несколько часов в день.

Денег не хватало. А те сбережения, что были отложены на покупку жилья, почти все ушли на реабилитацию.

Маму я на ноги поставила, но вот надежда на то, что мы перестанем скитаться по съемным квартирам, почти погасла.

Поэтому я с таким энтузиазмом ухватилась за щедрый шанс от судьбы.

На первой встрече меня осматривали, как красну девицу на выданье принцу. Властелину мира. Со всех сторон.

Даже форму и цвет зубов проверяли. Расспрашивали, нет ли в роду наследственных заболеваний, склонности к полноте. Последнее, кстати, волновало будущую маму гораздо больше, чем даже проблемы в других областях. Мне еще тогда показалось это странным, но у богатых свои причуды, и я не спорила. Хоть и понимала, что ее гипотеза – бред. Ведь ребенок наследует не мои гены. Я всего лишь сосуд для вынашивания.

После этой встречи я ждала результата две недели. Мне обещали позвонить в скором времени. Вот только понятие «скоро» у каждого свое. И когда я почти перестала верить в успех, в то, что что-то получится, раздался звонок. Чудо произошло! Из всех кандидаток выбор пал на меня.

Заказчицу я видела всего пару раз. Но это не отменяло того факта, что за мной строго следили. Постоянный контроль анализов, особое меню, распорядок дня.

Специальный браслет фиксировал все мои биоритмы. И если я нарушала дневной или ночной сон, ленилась идти на прогулку – это сразу же становилось известно моему куратору.

Я была уверена, что будущие родители с нетерпением ждут наследника. А не встречаются лишний раз со мной потому, что боятся шантажа.

Став суррогатной матерью, я наслушалась кучу историй, где исполнители, узнав о материальном положении другой стороны, начинали манипулировать материнскими и отцовскими чувствами и требовали деньги, машины, квартиры. Причем не самые дешевые.

У меня таких мыслей не возникало. Но залезть ко мне в голову и убедиться никто не мог.

Поэтому и страховались.

Но к тому, что у заказчиков вдруг случатся «обстоятельства», как сказала Алисия, и эти люди откажутся от малыша, я оказалась не готова.

Как можно ребенка сравнить с... даже не знаю – отпуском? Или выходными? Или вещью? Чтобы обстоятельства могли помешать? Это ведь живой человек! Свой, родной. Так даже с животными не поступают!

– Но... что мне тогда делать? – теряюсь в первый момент.

– Отдать в детский дом после рождения? – подсказывает врач.

Она смотрит на меня со смесью странного осуждения и непонимания. Как на слабоумную дурочку.

Роскошная женщина, внешне выглядящая на тридцать пять, хотя на деле ей недавно исполнилось пятьдесят. Уколы красоты, пластическая хирургия и правильный образ жизни в наше время творят чудеса.

Ей не понять моих проблем. Она каждый день ведет более десятка рожениц. Для нее все мы просто клиенты. Циферки на балансе в зарплатной ведомости. Не более.

По самоуверенному выражению, маской застывшему на ее лице, видно, что все человеческое давно ей чуждо. И такие понятия, как сострадание и эмпатия, она вычеркнула из списка необходимых.

Она действительно не понимает того факта, что отдать ребенка в любящую семью и в приют – совершенно разные вещи. В первом случае я уверена, что малыш получит ласку, заботу, родителей. А во втором?

– Послушайте, София, договор с вами никто нарушать не планирует. Деньги вы получите. О чем вам еще переживать? – теряет терпение Алисия Алексеевна.

– Я могу встретиться с заказчицей? Поговорить? – делаю последнюю попытку.

– Нет! – резко обрубаёт собеседница. – И советую забыть о ее существовании. А еще о том, как она выглядит и как зовут.

О да! Это единственное, что я знаю об этой женщине. Ни фамилии, ни должности, ни места жительства. Она на встречи приходила в шелковом платке на голове и в солнечных очках. Не снимала их даже в кабинете врача!

Да и то имя, которым она представилась – Александра, – скорее всего, вымышленное.

– Поезжайте домой, София. Выпейте чаю, успокойтесь. Делать аборт уже в любом случае поздно. Так что расслабьтесь и примите ситуацию такой, какая она есть. Изменить вы все равно ничего не сможете. Да это и не нужно, – смягчается Алисия. – Ах да! Встаньте на учет в женскую консультацию по месту жительства. Продолжать наблюдаться здесь для вас будет тяжело материально. Все документы я подготовила.

– Спасибо, что предупредили, – усмехаюсь криво.

Чувствуя, как растекается на языке горечь разочарования и безысходности.

Понимая, что я еще долго буду стороной обходить эту клинику.

Забираю со стола папку и, не прощаясь, ухожу.

Я слишком подавлена, чтобы расшаркиваться и быть вежливой. В груди горит, пульс зашкаливает.

Что делать дальше? Я ведь уже распланировала свою дальнейшую жизнь по пунктам. Как рожу, отдам ребенка родным родителям, куплю квартиру. И перестану переживать, что однажды у меня не хватит денег оплатить аренду. И нас с мамой никто не выгонит на улицу.

А теперь...

Словно ощущая мое волнение, малыш толкается у меня в животе. Мягко, успокаивающе. Будто убеждает, чтобы я не волновалась. Что все будет хорошо.

Я присаживаюсь на лавочку. Достая из сумки бутылку с водой и делаю глоток. Руки по-прежнему дрожат, а во рту появляется соленый привкус крови. Я даже не заметила, как прокусила губу.

Рядом парк и чуть подальше детская площадка, откуда доносятся голоса ребятни. Молодые мамы помогают своим деткам забираться на качели, лепят вместе в песочнице куличики. А малышу, которого я ношу под сердцем, из-за обстоятельств его биологических родителей, увы, такого счастья не светит.

Глава 1

Два года спустя.

– Мам, не кутай Илюшку. На улице тепло. Двадцать два градуса, – кричу из комнаты, замечая, как мама натягивает на внука ветровку и тонкую шапочку.

Но поздно. Сынишка упакован по полной программе.

– На небе тучи. Сейчас затянет, и ветер сразу холодный подует, – бурчит родительница.

Она старой закалки, и спорить с ней бесполезно. У нее где-то в подсознании запрограммировано, что чем теплее ребенка одеть, тем лучше. Даже летом. И бороться с этим почти невозможно.

Я не выдерживаю. Встаю со своего рабочего места, подхожу к ним и снимаю с ребенка лишние вещи. Шапку меняю на кепку, а водолазку на футболку. Так-то лучше.

– Я смотрела прогноз погоды. Твои тучи – это переменная облачность. Никакого дождя, грозы или ветра не ожидается. А через час температура воздуха еще на три градуса прогреется. Мама, он запарится в таких вещах!

– Он еще маленький, а малышей нужно одевать на один комплект одежды больше, чем взрослого, – стоит на своем она.

– Это зимой, мама. Зимой!

Я обуваю Илюшку в сандалики, подаю бутылочку с водой и жду, когда будет готова родительница.

Она суетится на пороге минуты три. Тянет время и в момент, когда я отвлекаюсь на смс в телефоне, все-таки хватает детскую ветрочку и закрывает за собой дверь. Бурча под нос:

– Умные все стали! Учить она меня надумала. А заболит – так я потом буду виноватая.

Тяжелый вздох вырывается сам собой. Увы, сейчас у меня нет выбора. Скоро придет новая клиентка, и мне нужно провести пробное занятие.

Я подрабатываю репетитором. Потому как прожить на детское пособие и маленькую мамину пенсию семье из трех человек, где один из них ребенок, сложно. И выйти полноценно на работу я тоже не могу.

В ясельной группе нет места, а мама не справится целый день с Илюшкой. Погулять с ним в парке, покатать на коляске, посидеть часик-другой дома – да, но не больше.

Поэтому приходится искать другие пути заработка.

Я готовлю рабочее место, раскладываю яркие карточки, учебные пособия, ноутбук. Убираю с дивана лишние вещи.

Не знаю почему, но сегодня особенно волнуюсь. Такое странное предчувствие, будто что-то произойдет. Меня буквально подташнивает от ожидания, а клиентка, как назло, опаздывает.

Проходит четверть часа, прежде чем раздастся звонок на телефон:

– Алло, София? Я на месте. Желтый двухэтажный дом, правильно? Я не ошиблась? – звучит в трубке манерный голос с нотками пренебрежения.

Да, мы живем далеко не в элитке. То есть совсем не в элитке. Даже не в обычном доме. В общежитии.

У нас аккуратный, обшитый сайдингом фасад, чистый подъезд, отремонтированные места общего пользования, спокойные работающие соседи, скромный, но вполне приличный ремонт в комнате. Никаких наркоманов, алкашей, притонов по соседству.

Но несмотря на все вышеперечисленные детали сам статус «общежитие» по умолчанию опускает нас чуть ли не до бомжей.

Люди привыкли, что в таких местах живут маргинальные личности. Об этом пестрят сериалы девяностых, бульварные новости. И то, что где-то может быть не так, уже не укладывается в массовом сознании.

А судя по тону, моя новая клиентка не из простого рабочего класса. Я выглядываю в окно, чтобы убедиться. Так и есть. Красный порш, как выбивающееся звено, привлекает внимание среди простеньких машин во дворе.

Волнение нарастает. Я не знаю, почему я так нервничаю. Цены на занятия у меня фиксированные, несмотря на материальный доход клиентов. Стоимость уроков я поднимать не стану. А вот головной боли может прибавиться. Потому как богатые люди склонны требовать больше за те же деньги.

По коридору слышны звуки каблучков. А после – ожидаемый стук в дверь. Я выдыхаю, открываю дверь и застываю статуей от неожиданности. В нос бьет забытый аромат дорогих женских духов.

Шелковый платок на голове, солнечные очки, брючный костюм пудрового цвета.

– А-а...?

– Александра. Правильно, София. Это очень хорошо, что вы меня помните. Значит, не придется ходить вокруг да около. Сразу перейдем к делу.

От неожиданности я не успеваю сориентироваться и пропускаю тот момент, когда еще можно было захлопнуть дверь перед этой женщиной. Александра пользуется этим. Грубо отпикивает меня в сторону, заходя в комнату. Осматривается вокруг с презрительным выражением лица.

– М-да, – следует ее первое заключение.

В котором ярко прослеживается ее нескрываемое «фи».

– Что вам надо? Зачем вы пришли? – беру себя в руки.

Эта дама мне никто. Я ее не звала сюда, чтобы выслушивать ее оценки по поводу моего жилья.

– Что надо мне? – насмешливо выгибает бровь, оборачиваясь ко мне и удостаивая своим взглядом. – Я хотела бы задать тот же самый вопрос тебе.

– Я вас не понимаю, – чеканю грубо.

Она сама два года назад отказалась от своего ребенка, бросила, как ненужную вещь, и не интересовалась им ни разу. А сейчас, когда я уже приняла малютку как своего, полюбила всей душой, когда он стал МОИМ сыном, она вернулась?! Зачем? За кем? За Илюшей?

– Все ты прекрасно понимаешь! Не прикидывайся. Со мной в эти игры можешь не играть.

– Послушайте, Александра. У меня нет времени разгадывать ваши шарады...

– Сколько тебе нужно денег, чтобы ты вернула мне ребенка? – спрашивает она в лоб.

Обескураживая на мгновение. Хотя вопрос был ожидаем.

Спина покрывается липким потом, пальцы начинают неметь.

Первое время после родов мне снились кошмары. Будто ко мне приходят незнакомые люди и забирают моего малыша. Вырывают из рук. Он плачет, зовет маму, а я каменею и не могу сделать даже шаг, чтобы догнать и вернуть его. Я просыпалась в холодном поту.

И сейчас, кажется, мой кошмар начинает материализовываться.

Дышать становится нечем.

Я отрицательно мотаю головой.

– Что?

– Убирайтесь! Вон из моей квартиры! – вылетает сипло.

– Откуда? Из квартиры? – переспрашивает Александра, заливаясь мерзким смехом. От ее хохота по телу идут противные мурашки. – Вот этот бомжатник ты называешь квартирой? – водит она пальцем по воздуху. – Девочка, ты хоть знаешь, что называется квартирой? А знаешь что? Хочешь...

– Единственное, чего я сейчас хочу, чтобы вы убрались отсюда вон! – перебиваю резко.

Меня начинает трясти. От накатывающей паники и подступающей злости одновременно.

Александру тоже переклинивает. После моего отказа выслушать ее предложение из насмешливой дамочки она превращается в грозную фурию:

– Ну знаешь ли! Я пыталась с тобой по-хорошему, видит бог! Даже готова была еще раз заплатить. А теперь пеняй на себя! Ты еще не знаешь, с кем связалась. Тебя мой муж в порошок сотрет, гнида! Слышишь?! – несет ее так, что лицо покрывается красными пятнами. – И не думай, что тебе повезло и ты от меня избавилась. Мы еще встретимся! – Она разворачивается на каблуках и, громко цокая, вылетает из комнаты.

Я не успеваю опомниться, как на улице слышится рев мотора. Мимо окон проносится красный порш.

А я продолжаю стоять посреди комнаты изваянием. Боясь сдвинуться с места. Понимая, что теперь не смогу спать спокойно. А бежать с маленьким ребенком на руках и больной матерью мне просто некуда. Да и не на что.

Деньги, полученные как компенсация суррогатной маме, пошли на покупку этой комнаты в общежитии. На большее мне не хватило.

Увы, но пришлось выбирать: либо разбитая однушка на окраине города и полуголодное существование на детское пособие после родов, либо комната с ремонтом в общежитии в центре города и небольшие деньги на первое время. Я выбрала второе. Экономить на собственном ребенке – последнее дело.

Я наливаю из графина стакан воды и залпом выпиваю его. Вспоминаю, что мама гуляет где-то на улице с Илюшей. А вдруг они уже вычислили их? А если его похитят прямо на улице? В голову лезут нехорошие мысли, и паника не желает отступать.

Я звоню маме, чтобы уточнить, где она и все ли с ними в порядке.

– Илюша голубей кормит. Мы в парке, – на мой вопрос спокойно отвечает она.

На заднем фоне слышен смех детей. Да и в голосе мамы нет ни капли тревоги. Уж я-то ее прекрасно знаю! Случись чего – она не умеет притворяться. Даже если очень надо.

Немного успокоившись, я решаю набрать подруге. Она знает, как надо действовать, и наверняка сможет что-нибудь посоветовать.

– Что? Заявилась к тебе домой? – возмущается Кристи. – Софи, во-первых, успокойся. Во-вторых, ничего она тебе сделать не сможет. Ты родила этого ребенка, и официально ТЫ являешься его матерью. Никакая биологическая и прочие мамы уже ничего сделать не смогут, поверь. Юридически все права у тебя, а попробуй она силой отнять – это статья, понимаешь? Уголовная. Ей нужно было раньше думать об этом. Когда ребенок только родился. В первые дни. А сейчас что? Правильно – уже поздно. Поэтому выдохни, расслабься и забудь.

– Она что-то говорила про мужа, – вспоминаю последние фразы Александры.

– И его шли в задний проход. Ты в своем праве, – слышу оптимизм и улыбку в голосе подруги. – Они тебе ничего сделать не смогут.

Я прощаюсь с Кристи на позитивной ноте. После разговора с ней уже не страшно. Тем более что интернет тоже выдает такую же информацию.

Настроение повышается. Окрыленная надеждой, что ничего у этой гадюки Александры не выйдет, я обуваю босоножки и спешу в парк к маме и сыну. Еще не догадываясь, как сильно я ошибаюсь. И что впереди меня ждут далеко не радостные события.

Глава 2

Проходит несколько дней, за время которых нас больше никто не беспокоит. Я успокаиваюсь и все меньше вспоминаю о неприятной встрече.

Странная женщина эта Александра. Плохо, что она теперь знает, где я живу. Неизвестно, какие выкрутасы может выкинуть в будущем. Особенно когда Илюша подрастет и начнет понимать, что происходит.

Меня успокаивает мысль, что к тому времени я найду выход из ситуации. Выйду на работу, продам комнату в общежитии, возьму ипотеку и съеду отсюда куда-нибудь подальше. К примеру, в другой город? Здесь меня все равно ничего не держит, а так хоть душа будет спокойна.

На часах почти двенадцать дня. Становится жарко, да и сыну пора обедать.

Мы гуляем в парке рядом с домом. Здесь излюбленное место голубей. Люди уже знают, что птицы обжили это место, и каждый день приходят с новым лакомством, подкармливая их на радость детворе.

Но именно сейчас в парке почти никого нет и сынишка один гоняется за стаей птах по кругу.

Я беру его за руку, собираясь уходить, когда у дороги останавливается черный тонированный внедорожник. Из него выходят двое высоких крепких мужчин, оглядываясь по сторонам. Они замечают меня, переговариваясь между собой, и в голове догадкой выстреливает интуиция.

Несмотря на то, что парни не выглядят как бандиты, я кожей ощущаю опасность, исходящую от них.

Быстро усаживаю Илюшу в коляску, чувствуя, как пульс ускоряет ритм. В ушах начинают бить барабаны. Пристегиваю сына ремнем безопасности и почти бегом направляюсь в противоположную сторону парка.

Но не успеваю. Один из мужчин догоняет меня уже через несколько секунд, скалой преграждая путь.

– Пропустите, – мечусь, пытаюсь его объехать.

– София, подождите. Не торопитесь. У нас есть к вам разговор.

Сердце обрывается вниз. Он знает, как меня зовут!

У меня крайне мало знакомых в этом городе. И уж тем более я нигде не пересекалась с подобными личностями, чтобы они знали меня в лицо. А это означает только одно!

– Кто вы? Что вам от меня нужно? – голос предательски срывается, выдавая волнение.

– С вами хотят поговорить, – спокойно объясняет он.

Но его спокойствие только добавляет мне градуса нервозности.

– Я не желаю ни с кем разговаривать! Пропустите!

– София, вы не понимаете, – ловит меня за локоть незнакомец. – Это в ваших же интересах.

– Не трогайте меня! – взвизгиваю, пытаюсь стряхнуть его руку.

– Тогда просто не делайте глупостей. Не стоит привлекать лишнее внимание. Вам это не поможет. А вот проблем добавится, – а вот сейчас я слышу в его голосе угрозу.

Оглядываюсь по сторонам в поисках спасения. Прохожих, а еще лучше – стражей порядка. Последние частенько дежурят здесь. Но именно сейчас, как назло, вокруг ни души. Даже мам с колясками не видно.

– Кто вы? Кто хочет со мной поговорить? О чем? – тяну время.

– Вы скоро сами обо всем узнаете. Вас ждут, – указывает он на внедорожник.

– Я не...

– София, давайте решим проблему мирным путем? Я не хочу применять силу, но мне придется, если вы не послушаете моего совета. У меня просто не останется выбора.

Я снова оборачиваюсь назад. Но вместо спасения натываюсь взглядом на второго мужчину. Его напарника. Он стоит, расставив ноги на ширине плеч и засунув руки в карманы. На расстоянии пары шагов от меня.

Хмурое лицо и глубокая складка на переносице выдают в нем крайне несговорчивую личность. И то, что он не любит, когда с ним спорят.

От этого типа исходит такая ударная волна негатива, что буквально сметает последнюю надежду на благополучный исход дела.

В его руках сверкает лезвие ножа-бабочки. Которым он как бы невзначай поигрывает с профессиональным умением.

Мне становится нехорошо. Я успокаиваю себя тем, что это может быть просто дурацкая привычка. Кто-то постоянно носит и перебирает чётки, кто-то не выпускает из рук эспандеры. Это ведь не значит, что мне угрожают ножом? Ведь правда?

Однако подобные доводы мне не помогают.

Я вцепляюсь мертвой хваткой в ручку коляски, понимая, что эти люди правы. Далеко с ребенком я не убегу, а пока подоспеет помощь, может быть уже поздно.

– Что мне нужно делать? – спрашиваю мертвым голосом. – И где гарантии, что мне и сыну ничего не угрожает?

Парни довольно переглядываются между собой.

– Не переживайте. Никто не причинит вам вреда. Если, конечно, вы будете вести себя благоразумно. Мы отвезем вас к человеку, который хотел с вами встретиться. Ему просто нужно поговорить с вами.

– Оставьте его номер телефона. Я свяжусь и договорюсь с ним о встрече. Сейчас мне неудобно. Да и ребенку пора обедать.

– Не надо хитрить, Софи, – раскусывают меня за секунду. – Мы же оба взрослые люди и все прекрасно понимаем.

– Кость, хватит уже переговоров. Ты же видишь, что они на нее не действуют, – басит сзади тот, что с ножом, и угрожающе делает шаг вперед.

Я дергаюсь в сторону, но амбал хватает ручку коляски и тянет на себя.

– Я же заберу его сейчас, – кивает он на Илюшу. – И ты ничего не сделаешь. А пока полиция начнет искать, окажется уже поздно, твой сын будет далеко. Ты уверена, что хочешь такого исхода дела?

Мы смотрим в глаза друг другу несколько секунд. И я понимаю, что он не шутит. По коже идет мороз.

– Хорошо. Я поняла, – с трудом выдыхаю.

– Вот и славно. Бери ребенка на руки, я возьму коляску, – командует он.

Я дрожащими руками расстегиваю ремень безопасности, прижимаю сына к себе и иду к машине. Незнакомцы сопровождают с обеих сторон, не отставая ни на шаг. И следя за тем, чтобы я не вздумала сбежать.

Увы, но в этот раз удача на их стороне. Мне все же приходится сесть в салон, и почти сразу же слышу щелчок блокировки дверей. Чтоб не сбежала.

Поездка в общей сложности занимает около получаса. Возможно, даже меньше, но из-за нервного состояния она мне кажется бесконечной.

На мои вопросы никто отвечать не собирается. Парни либо молчат, либо отмахиваются фразами типа «потерпи, скоро все узнаешь». Но хотя бы больше не дерзят и не угрожают.

Илюша засыпает у меня на руках. Не дожидаясь момента, когда мы приедем.

Поездки в машине всегда его укачивают, и сейчас это как никогда кстати. Если бы еще и он капризничал, я вообще не выдержала бы.

Пытаясь отвлечься от тяжелых дум, я стараюсь запомнить путь, которым меня везут. Никогда не знаешь, как могут повернуться события. Но когда мы выезжаем за город, понимаю, что это бесполезно. В пригороде я не ориентируюсь.

Я даже встречающиеся указатели с названиями поселков не успеваю разглядеть из-за скорости машины. Увы, приходится смириться.

Авто без проблем проезжает пропускной пункт с шлагбаумом. Дальше путь открыт только тем, кто имеет сюда доступ.

Дорога ведет сквозь живописный смешанный лес. И асфальт на ней идеально ровный, как полотно. Что довольно непривычно после огромных ям рядом с нашим общежитием почти в центре города!

Домов тут не видно из-за двухметровых заборов. Похоже, местные жители не любят светить личной жизнью и доходами.

– Приехали, – сообщает тот, которого зовут Костя.

Отвлекшись на спящего Илюшу, я не успеваю заметить, у какого именно дома мы остановились. Хотя, чувствую, подобное знание мне ничего не даст.

Машина въезжает на территорию участка, и за нами закрываются ворота. Отрезая путь назад.

Водитель галантно распахивает дверь, помогая мне выйти из авто, чтобы не разбудить ребенка, и только теперь я могу разглядеть особняк того, кто хотел со мной поговорить.

Двухэтажный коттедж с панорамными окнами в пол как на первом, так и на втором этаже. С необъятным взглядом земельным участком.

В глаза бросается умелая работа ландшафтного дизайнера. Красивые аккуратные дорожки между газонами, стройные туи, высаженные аллеей, необычной формы кустарники. Цветов не вижу, а вот зеленого цвета всех оттенков в изобилии.

Пока мы ехали сюда, небо заволочло тучами. Воздух пахнет озоном. Как предвестник грозы.

– Прошу, – приглашает Константин, указывая на входные двери.

Мне не хочется переступить порог этого стеклянного дворца. Интуиция вопит, что стоит мне сделать это – и назад дороги уже не будет. Меня, может быть, и выпустят, а вот моего кроху? Кто даст гарантию, что его не заберут сразу же, как я окажусь внутри?

Хотя... почти два года о нем не вспоминали. А это что-то значит.

Стоять истуканом на месте не получится. Машина тоже уже отъехала.

Поэтому, набравшись духу, я все-таки нахожу в себе силы и шагаю следом за мужчиной. Захожу в дом и оказываюсь в просторной, даже огромной прихожей. Несколько коридоров уводят в разные стороны. Я не успеваю оглядеться: мой спутник подталкивает меня к мраморной лестнице на второй этаж. И оттуда уже к одной из комнат. В рабочий кабинет.

Это видно по обстановке, интерьеру, стилю. Даже по запаху, пропитанному деревом, натуральной кожей и мужской аурой.

– Герман Львович? Я привез девушку.

– Спасибо, Костя. Свободен, – слышу приятный мужской голос и только после этого замечаю того, к кому обращался мой сопровождающий.

Высокий широкоплечий мужчина спортивного телосложения. Шатен. Загорелую кожу оттеняет светлая рубашка. Я про себя отмечаю породистые черты лица.

Даже крупный нос с горбинкой не портит общего впечатления.

Но особенно привлекают внимание глаза. Они не серые и не голубые, а глубокого синего цвета в обрамлении длинных черных ресниц.

Вот только взгляд холодный. Настолько, что кажется, внутри этого человека умерло все живое. Эдакий Кай из сказки про Снежную Королеву.

– Добрый день, София! – тихо произносит мужчина, замечая спящего ребенка у меня на руках. – Можете положить его на диван. Или, если хотите, я распоряжусь отнести его в детскую комнату?

– Не надо! – вырывается инстинктивно. – Он останется со мной.

Я неосознанно прижимаю Илюшу сильнее к себе. Я понятия не имею, где нахожусь, кто этот человек и что тут могут сделать с моим малышом, пока меня не будет рядом. Поэтому сразу же отмечаю подобное предложение.

Он удивленно хмыкает. Выгибает одну бровь, но комментировать не берется.

– Ну что ж, – задумчиво подбирает слова. – Хорошо. Вы, наверное, уже поняли, зачем вы здесь?

Я отрицательно машу головой.

– Ваши амбалы, кроме угроз, ничего больше не знают.

– Угроз? – еще больше удивляется он.

Прикидывается дурачком или действительно не давал таких команд? Хотя ему наверняка безразлично, каким образом будет выполнено поручение. Таким людям важен результат. Поэтому его изумление выглядит наигранно.

– Видимо, ребята перестарались. Я поговорю с ними, – говорит он без тени вины или сожаления. Что еще больше убеждает меня в правоте. – Тогда давайте начнем с самого начала. Меня зовут Герман Кравицкий. И я – биологический отец ребенка, которого вы держите на руках. И которого вы похитили около двух лет назад у моей семьи.

Его имя мне ни о чем не говорит. Но, возможно, если заморочиться и покопаться в интернете, то можно найти недостающую информацию. В любом случае меня сейчас это мало волнует.

В унисон его словам раздается первый гром за окном. Погода начинает портиться, и по ногам тянет прохладный ветерок.

Так символично перекликаясь с тем, что творится у меня в душе.

– Что я сделала? – переспрашиваю с сарказмом.

Он серьезно? Решил переложить на меня не только ответственность, но и вину?

– София, мне понятна ваша защитная реакция. И даже отрицание. Но давайте не будем отнимать друг у друга время и поговорим как взрослые люди!

– А давайте! – прорывает меня. – Не будем терять время. Вы отпускаете меня домой, с сыном, прямо сейчас, и мы забываем об этой встрече! Как вам такой вариант?

Герман хмурится. Он явно ожидал другого ответа. Мужчина обескуражен, но почти сразу же берет себя в руки.

– Вы, наверное, не совсем понимаете ситуацию. Я готов выплатить вам компенсацию за год и... восемь месяцев? – вспоминает, складывая в уме цифры. – За тот срок, что вы смотрели за моим сыном. Готов пойти навстречу и забыть о вашем преступлении. При условии, что вы без эксцессов откажетесь от всех прав на ребенка и передадите его нам. Ну и заодно объясните мотивы своего поступка.

У меня появляется ощущение, что я смотрю на нас с ним со стороны. Потому что происходящее не может быть правдой. Или эти люди настолько заигрались во всемогущих, что перестали видеть рамки реальности?

Как можно сделать из собственного ребенка игрушку? Вчера не хотел, сегодня уже передумал. А завтра? Если ему снова надоест ребенок – он сдаст его в детский дом? Как когда-то мне советовала его жена.

Я столько всего хочу сказать в лицо стоящему напротив меня напыщенному хлыщу, что думаю по этому поводу, но от злости напрочь забываю слова. Они просто вылетают у меня из головы. И мне остается только часто дышать и испепелять его взглядом.

Наше противостояние длится минуту, а после неожиданно хлопает дверь за моей спиной. Илюша вздрагивает, открывая глаза. А обоняние мгновенно улавливает знакомый аромат дорогого женского парфюма.

– Герман, я уезжаю к своему визажисту. Вернусь... – строчит она, пока не замечает в кабинете лишнего.

Меня.

Я впервые вижу Александру во всей красе. Без солнечных очков на пол-лица и без шелкового платка на голове. У нее идеально гладкие длинные волосы, чистая без изъянов кожа, зеленые глаза. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не стервозно-высокомерное выражение лица. Которое уродует правильные черты, придавая нотку брезгливости ко всему, что ее окружает.

Александра смотрит на меня, как на ядовитую змею. Отшатываясь и переводя возмущенный взгляд на мужа.

– Герман? – прорезаются в голосе истеричные нотки. – Что это здесь делает? – тыкает наманикюренным пальцем в мою сторону. – Ты... ты отдаешь себе отчет? Она же...

– Она здесь потому, что я так приказал! – рубит на корню любые претензии ее муж.

– Зачем? – не унимается женщина. – О чем с ней разговаривать, особенно после того, что она сделала?!

Илюша спросонья пугается незнакомого места, а еще больше – негативно настроенных людей. Он утыкается носом мне в плечо и пытается таким образом спрятаться.

– А что я сделала? Сохранила жизнь вашему ребенку? Не бросила его, не сдала в детдом? Полюбила, как своего? После того как вы от него отказались? – не выдерживаю, вскидывая подбородок.

Глажу сына по голове, чтобы успокоить его, и стойко выдерживаю шквал негатива от Александры.

После моих слов она едва ли не задыхается от ярости и бессилия. Совсем как я пару минут назад.

Но, в отличие от меня, биологическая мама Илюши не сдерживается. Ее не останавливает даже наличие ребенка у меня на руках.

– Да как ты смеешь, дрянь? – замахивается она со всей силы, но я успеваю увернуться, и ее ладонь рассекает воздух, пустое место, где я только что стояла.

– Саша! – сливаясь с очередной звуковой волной грома за окном, бьет по барабанным перепонкам голос Германа.

Он в мгновение пересекает разделяющие их метры и хватает ее за руку. Дергает на себя, зрительно приказывая замолчать.

– Как ты можешь, Герман? – меняя свой тон с грозного на жалобный, скулит Александра. – Она украла у нас самое дорогое! Она воспользовалась моментом, а ты вместо того, чтобы... чтобы... ты приводишь ее в наш дом?! Ты пытаешься с ней говорить по-человечески? А что дальше? Предложишь ей остаться здесь?

Они схлестываются взглядами, и я вижу, как под ментальным напором мужа Александра сдувается подобно воздушному шарiku. Меня и пугает, и восхищает одновременно такая сила.

– Если потребуется – сделаю, – ровным спокойным голосом произносит мужчина.

Только от его спокойствия у меня мурашки бегут по всему телу. И, похоже, не только у меня.

Я замираю вместе с его женой. Затаиваю дыхание, ожидая дальнейшего развития действий. Градус напряженности возрастает.

И вздрагиваю, выдыхая, когда тишину комнаты разрывает плач ребенка.

Илюша проголодался. У него по расписанию обед. Плюс незнакомое место, негативно настроенные люди и нервная мама. Все вместе сказывается на его настроении.

Я понимаю, что простыми словами и укачиванием тут не обойтись. Но выбора у меня пока нет.

– Успокой его! – не выдерживает биологическая мама. – Как тебе можно доверять ребенка? Герман? – снова обращается к мужу за помощью.

Но он продолжает игнорировать ее манипуляции.

– Саша, тебе лучше уйти. Поговорим позже. И наедине.

Александра вспыхивает. Поджимает обиженно губы, но новый приступ плача малыша заставляет убедиться, что Герман прав.

– Поговорим вечером, – зеркалит она слова мужа.

Фыркает и покидает кабинет.

Странно, но после ее ухода сынишка замолкает. И хоть я понимаю, что эта передышка ненадолго, но она позволяет мне немного прийти в себя.

– Дайте его мне? – неожиданно просит Герман сразу после ухода жены.

Протягивает руки к сыну, и, на удивление, Илюша реагирует положительно. Он смотрит на отца с интересом. Не пряча лицо мне в плечо, как было с той же Александрой.

Я теряюсь в первое мгновение, не зная, как поступить. Все еще опасаясь, что у меня могут просто забрать ребенка и не отдать. В конце концов, мы на чужой территории. Я бы даже сказала – на враждебной.

Но сынишка, в отличие от меня, не чувствует недоверия к хозяину дома. И его следующие действия вызывают у меня искреннее недоумение. Он мило улыбается и тянется к отцу.

Учитывая, что Илюша не любит чужих и крайне неохотно идет на контакт с посторонними взрослыми, его такая реакция выбивает у меня почву из-под ног. Я не успеваю принять решение, как Герман, пользуясь моим замешательством, забирает из рук сына.

Я порываюсь возразить, но замолкаю на полуслове, замечая, как в одно мгновение меняется выражение лица мужчины с жестокого и равнодушного на мягкое и... человеческое, что ли? Жесткая линия рта изгибается в улыбке, а рядом с уголками глаз появляется сеточка мелких морщин.

Я задерживаю дыхание, глядя, как Герман сажает сына поудобнее и берет его крохотный кулачок в свою ладонь. С какой нежностью и восторгом рассматривает маленькие пальчики, гладит по плечу, любит ребенка.

В его движениях сквозят осторожность и страх. Словно он боится причинить вред Илюше. Подобные эмоции переживают молодые неопытные родители в первые дни после появления малыша на свет. И, конечно, эти нюансы не ускользают от моего взгляда.

Я молчу, наблюдая за состоявшимся контактом отца и сына. Отмечая про себя, насколько они похожи. Только у Илюши глаза не синие, а голубые, с серым ободком. И волосы кудрявятся на затылке, если вовремя не подстригать.

Сынишка с интересом рассматривает папу, хватая цепочку на шее отца и тянет ее в рот.

– Он хочет кушать, – не выдерживаю я.

Мне и радостно, и одновременно больно от этой сцены. Я полюбила Илюшу, как родного. Мечтала о том, чтобы у сына был достойный любящий отец. Даже парня себе подбирала с учетом того, как он относится к детям.

С содроганием вспоминаю слова Александры о том, чтобы отказаться от малыша, отдав в детский дом. Спасибо маме, которая поддержала и уговорила не делать глупостей.

С того момента Илюша стал для меня целой вселенной. Ради которой я готова была свернуть горы. Огорчало только отсутствие мужского воспитания в семье. И вот сейчас, глядя на то, с каким трепетом и нежностью Герман смотрит на сына, я должна была быть счастлива. Расплываться в улыбке. Прыгать до потолка. Если бы не одно но.

Встреча сына с отцом означает, что я в жизни Илюши становлюсь лишней. В новой семье есть и мама, и папа. Они ему родные. А я...

Сердце обливается кровью, в горле встает колючий ком.

– Вы не пообедали? – Кравицкий на время переключает свое внимание на меня.

– Ваши люди появились без предупреждения. Я пыталась договориться с ними, взять ваш номер и созвониться для встречи в удобное время. Но меня никто не захотел слушать.

Герман устало ведет головой. Переводит взгляд на меня и насмешливо усмехается.

– София, знаете, что я ненавижу больше всего? – тянет он задумчиво. – Ложь! А вы мне сейчас лжете. Никуда бы вы звонить не стали. И тем более договариваться о встрече. Но к этому мы с вами еще вернемся. А пока внизу на первом этаже есть кухня. Можете попросить повара приготовить что-нибудь для ребенка. Или выбрать из уже имеющегося меню.

Я цепенею от мысли о том, что никто нас не собирается отпускать. Смотрю внимательно в сапфировые глаза и уточняю:

– Мы с вами так не договаривались. О том, что я останусь здесь с ребенком, речи не было.

– Не было, – подтверждает он. – Но мы так ничего и не обсудили. Вот после обеда и побеседуем. Решим все, что связано с моим сыном, а после я вас отпущу.

– С Илюшей?

Герман из любящего отца вновь превращается в ледяную глыбу. От которой на расстоянии разит холодом. Он молча сверлит меня взглядом и, игнорируя мой вопрос, цедит сквозь зубы:

– Идите за мной. Я покажу вам, где находится кухня.

Глава 3

Меня с сыном отсюда не выпустят. Я почти убеждаюсь в этом, складывая все за и против. А бежать из крепости Кравицкого невозможно. Во-первых, полно охраны, видеонаблюдение, закрытая территория.

И если даже мне каким-то чудом удастся выскользнуть отсюда, то еще не факт, что я смогу добраться до дома прежде, чем меня хватятся и вернут назад. Такси в поселок не пустят, я видела шлагбаум и пропускной пункт.

Да и куда бежать? Они знают, где я живу. Поэтому иного выхода, кроме как договариваться, у меня нет. Но и тут тупик. Кравицкие наверняка потребуют отдать им Илюшу. А для меня это равносильно смерти.

Герман отводит нас на первый этаж, здороваясь с поваром и давая указание накормить. В огромном помещении, напичканном самой современной кухонной техникой, можно расположить целую квартиру. Двухкомнатную точно. Или четыре-пять таких комнат, как у нас в общежитии.

Посередине кухни выделяется островок со столешницей из массива дерева с эпоксидной смолой с причудливым рисунком. За этот стол нам и предлагает сесть Матео – двухметровый здоровяк с непривычным акцентом. В фартуке и поварском колпаке.

Вопреки моим переживаниям, Матео дает мне целый список из того, что можно предложить на обед маленькому ребенку. Супы овощные, мясные, пюреобразные. Паровые митболы, диетические котлетки из кролика, индейки, дичи, овощные суфле, запеканки, омлеты, крупяные гарниры. Куча десертов.

Повар с удовольствием рассказывает состав каждого, с точными данными, сколько калорий в порции того или иного продукта. Чувствую, кто-то из семьи хозяев держит жесткую диету.

Меня тоже приглашают пообедать, но я вежливо отказываюсь. Вряд ли в таком состоянии кусок полезет в горло.

Пока Илюша с аппетитом уминает овощной суп, я решаю позвонить маме. Нужно предупредить ее, что мы задержимся.

Слава богу, телефон у меня пока не отобрали. И это хоть немного успокаивает, дает ложное ощущение защищенности.

Я вытаскиваю из кармана смартфон, замечая на дисплее семь неприятых звонков от мамы. А вот это уже плохой знак.

Мы опоздали на обед всего на каких-то минут пятнадцать. Я могла задержаться в магазине, загулять в парке – да где угодно, мама никогда не искала нас, названивая до посинения. А тут... Неужели люди Кравицкого побывали и у нас дома? Угрожали маме?

Сердце обрывается вниз, стоит лишь подумать, какие могут быть последствия от такого визита.

– Соня, дочка! Где вы? – слышу встревоженный голос родительницы. – Соседка сказала, видела, как вы гуляли в парке. А потом подъехал черный джип, вылезли два мужика и затолкали вас с Илюшей в машину! Соня, что происходит? Ты где? Кто эти люди? Что им от вас надо? Соня? – обрушивается она на меня шквал вопросов.

Я уже по голосу слышу, как она себя накрутила. То ли соседка преувеличила, то ли мама что-то недоговаривает.

Но спасибо хотя бы за то, что мои подозрения не оправдываются.

В любом случае еще рано делать какие-то выводы. Поэтому я выдыхаю и пытаюсь ответить максимально ровно:

– Мама, все в порядке. Не переживай за нас. Мы живы, здоровы. И даже вкусно накормлены, – улыбаюсь вежливо Матео. – Просто нас неожиданно пригласили в гости.

– Кто пригласил? Зачем? Куда? А Илюша с тобой? – пытается настойчиво мама.

– Со мной. Пригласили знакомые. За город, на дачу. Все так спонтанно получилось. Я сама не ожидала. Mam, я потом все объясню, не волнуйся.

– Что это за такие знакомые мужчины?

– Это муж моей подруги. Ты ее не знаешь, я с ней раньше общалась. Они мимо проезжали, увидели меня, остановились. Решили позвать с собой. Мне неудобно было отказываться, она беременная, – сочиняю на ходу.

Потом я ей все объясню. Подробно. Когда сама выясню, что меня ждет дальше. А сейчас нет смысла раньше времени паниковать. От этого ничего не изменится, а вот здоровье мамы может не выдержать.

– Когда вы вернетесь домой? – все еще настороженно спрашивает она.

– Вечером, – тяну неуверенно. Надеюсь, что к тому времени ситуация хоть немного прояснится. – Но если что изменится – я позвоню, предупрежу. Хорошо?

– Соня, ты мне врешь, – улавливает фальшь в моем голосе мама. – Я же чувствую.

– Нет, мам. У нас все отлично, уверяю!

Она тяжело вздыхает, принимая мой ответ. И внезапно вспоминает:

– А Лешу ты предупредила?

– Нет, – вылетает прежде, чем успеваю подумать.

Черт! А вот про своего парня я совсем забыла. Как и про то, что сегодня ровно три месяца, как мы встречаемся. И он собирался вечером забронировать столик в кафе по такому случаю.

Леше я отправляю смс с извинениями. Пишу, что у меня форс-мажор и встретиться сегодня не получится. Надеюсь, он не сильно обидится, а в идеале – поймет и просто перенесет празднование. Три месяца и датой-то назвать сложно.

– Вам все понравилось? – интересуется Матео, улыбаясь. – Может быть, все-таки пообедаете сами?

У меня возникает стойкое ощущение, что улыбка – это часть дресс-кода повара. Хотя в глазах все же светится искренний интерес.

– Спасибо. В другой раз. Я не голодна. А блюда Илюши были бесподобные. Обычно он плохо ест, а сейчас его даже кормить не пришлось: сам все съел.

Матео расцветает от счастья еще больше. Только вот от следующих его слов мне становится не по себе. И желание улыбаться в ответ убавляется.

– Герман Львович распорядился подготовить детскую комнату, – задевает за живое. – Я думаю, мальчику там понравится.

– А где сам хозяин? – Пальцы сжимаются в кулак до такой степени, что ногти впиваются в ладонь.

Я не ощущаю боли. Кроме той, что изнутри жжет грудную клетку.

– Он ждет вас у себя в кабинете. Проводить?

– Спасибо, я сама найду.

На мгновение мелькает мысль спросить, как отсюда выйти. Было бы неплохо, только, боюсь, охрана заранее предупреждена и все ходы-выходы наглухо перекрыты. По крайней мере, до тех пор, пока не решат наш вопрос.

Мы с Илюшей медленно поднимаемся наверх. Сейчас у меня есть время рассмотреть и шикарный ремонт, и огромную – в пять, а то и больше метров высотой – дизайнерскую люстру с подвесными фарфоровыми каплями-лепестками, которая должна освещать путь по винтовой лестнице с первого до второго этажа.

Здесь очень красиво. Все подобрано со вкусом. Не хватает только одного – уюта.

Дом больше похож на музей или дворец. Но никак не на семейное гнездышко.

В какую-то секунду мне становится страшно. Даже не от того, сколько стоит окружающая меня красота, а от понимания, какую власть имеет эта семья, владея такими деньгами. И что я могу противопоставить им, вздумай пойти против. А именно это я и собираюсь делать.

Дверь в кабинет оказывается открытой, и мы без стука входим. Герман сидит за рабочим столом, уставившись взглядом в монитор компьютера. Замечая нас, отвлекается, жестом приглашая сесть.

– Все в порядке? – уточняет он.

– Да, спасибо. Илюша поел.

– А вы?

– Я не голодна, – уже во второй раз за сегодняшний день повторяю эту фразу.

Он хмыкает, выключая компьютер. Складывает перед собой на столе кисти рук в замок.

– Что ж, хорошо. Тогда давайте сразу к делу. Я предлагаю вам три миллиона. И вы отдаете нам нашего ребенка. Идет?

Началось...

Я крепче прижимаю к себе Илюшу, сидящего у меня на коленях. Мысленно молясь только о том, чтобы мне хватило сил не сорваться и не наговорить глупостей Кравицкому.

– Я не торгую сыном.

– А это и не ваш сын, – мрачнеет Герман.

– А вы докажете, – бросаю, не подумав.

И тут же прикусываю язык. Понимая, что ляпнула лишнего.

Не в моих интересах дергать тигра за усы. Но сказанного уже не воротить.

– Могу и доказать. Если потребуется. Но поверьте, вам этот метод не понравится. – Я молчу, и Герман продолжает: – Пока я согласен идти вам навстречу. Готов даже заплатить. Вполне достойно, я считаю. Вам хватит, чтобы купить квартиру и съехать из общежития. Да, может быть, на жилье в элитном доме не хватит, но таких денег вам не заплатят нигде. Даже если снова решите подработать суррогатной мамой. Вы прекрасно знаете расценки. Так что давайте разойдемся по хорошему? Вы вернете нам сына, мы поможем вам финансово.

Я отрицательно машу головой.

Когда-то я согласилась на это дело. Готова была родить и отдать. Тогда я еще не знала, что такое материнский инстинкт, и была уверена, что с легкостью смогу расстаться с рожденным мною ребенком.

Как же я ошибалась!

У Кравицкого куча денег. Если его жена не желает рожать сама, он может снова заказать себе малыша. Раз уж опять захотелось поиграть в отцовство.

А Илюшу я им не отдам!

– Это мой ребенок. И ни за какие деньги я его продавать не собираюсь. Мне кажется, я ясно дала это понять!

– Пять миллионов? – повышает ставку Герман. – Десять?.. Долларов! – бьет по столу кулаком.

Я вздрагиваю, а вот Илюше нравится этот жест, и он, заливаясь смехом, пытается, как папа, стукнуть кулачком себе по коленке.

Герман переводит взгляд на ребенка. Смотрит пристально. И черты лица невольно смягчаются, превращая его из небожителя в простого и привлекательного мужчину.

Я тут же одергиваю сама себя. Еще Кравицким восхищаться не хватало! Он может быть сколько угодно красивым, но мы с ним совершенно разные люди. Такие никогда не пересекаются в жизни. К тому же, напоминая себе, он женат и пытается отобрать у меня сына.

Поэтому пресекаю все симпатии на стадии зарождения.

– Герман Львович, этот разговор бессмыслен! Я не отдам Илюшу ни за какие деньги. Для вас он игрушка, а для меня – самое дорогое, что есть в жизни, – смотрю ему прямо в глаза. – Если вам так хочется наследников – закажите другого ребенка. У вас хватит денег. А нас оставьте в покое!

При упоминании о других наследниках мужчина каменеет. Замирает, переставая дышать. Только желваки на скулах нервно дергаются, словно я задела его за живое.

Я не понимаю, чем вызвана такая реакция. Тем, что посмела перечить? Не прогнулась? Не купилась за деньги?

А впрочем, мне все равно. Важнее отвоевать свое право остаться матерью.

– Вы уверены, что не пожалеете о своем выборе? – тихо спрашивает Кравицкий после минутного молчания.

Я слышу угрозу в голосе, хотя Герман даже не повысил тона.

– Не все в этом мире продается. Мне жаль, если для вас это новость.

– А мне жаль вас. Вы просто еще не представляете, что вас ждет впереди. И с чем вам придется столкнуться.

Глава 4

Мы возвращаемся домой на черном шикарном седане. Мне до сих пор не верится, что нас отпустили. Вот так просто, без издевательств, лишних запугиваний, пыток.

Водитель довозит чуть ли не до подъезда, не спрашивая адреса. Что, в принципе, неудивительно. У Кравицкого наверняка целое досье на меня лежит где-нибудь на полочке.

В одном из окон на первом этаже дергается штора. Представляю, какие слухи поползут обо мне теперь среди соседей.

– Вернулись? – охает мама, встречая нас на пороге.

– Да. – Я спускаю Илюшу с рук, пряча глаза, и наклоняюсь расстегнуть ремешок на его сандаликах.

Я все еще не хочу рассказывать ей о том, что произошло. И давать лишний повод для волнений.

– Вы обедали? – суетится она, хлопая дверью холодильника.

Врать нет смысла, но и аппетит я так и не нагуляла.

– Да. Илюша поел.

– А ты?

– А я хочу чай, – выпрямляюсь в полный рост.

Мама уходит на кухню с чайником, а я иду в свою часть комнаты и валюсь кулем на кровать. Раскидываю руки в стороны, бесцельно глядя в потолок.

Я выжата. Морально. И что делать дальше – ума не приложу. Герман предупредил, чтобы я не даже не думала бежать. И чихать бы я хотела на его угрозы, если бы не одно но: мне некуда, а самое главное – не на что это делать.

Денег и так хватает только на коммунальные, еду, памперсы и немного на одежду. Если бы я могла знать заранее – отложила бы на черный день. А так...

Можно, конечно, попытаться занять у знакомых. Или даже в банке. Если дадут.

Но что дальше? Пока найду работу, пока пройду испытательный срок, пока получу первую зарплату – все это может затянуться не на один месяц. А деньги имеют свойство кончаться катастрофически быстро.

Илюша вытаскивает из шкафа ящик с игрушками, переворачивает на ковер и роется в поисках своих любимых смешариков. Пока я, как мазохистка, снова и снова прокручиваю в голове разговор с его отцом.

Герман ведь даже не извинился, не объяснил причины отказа. Просто свалился на нашу голову как снег на голову и потребовал отдать ребенка.

– Мама, ням-ням? – Сынишка замечает на полке последнюю фруктовую пюрешку в мягкой упаковке.

Тянется в надежде достать сам. Я помогаю ему. Откручиваю крышечку, пробую на всякий случай на пригодность и отдаю Илюше, ставя мысленно галочку в списке дел, что нужно сходить в магазин за продуктами. Еще вчера хотела, да вылетело из головы. В холодильнике почти пусто. Только кастрюля со вчерашним супом да отварные макароны.

Конец месяца. Плановая экономия.

На секунду в голове пролетает мысль: а правильно ли я поступаю? У меня ни гроша за душой, живу сегодняшним днем, экономлю, покупая все на скидках. Что меня ждет впереди? Среднемесячная зарплата и работа без выходных?

Кредиты, ипотека, пособия малоимущей?

Что я смогу дать ребенку на такие деньги? Сколько должно пройти времени, чтобы я прочно встала на ноги и начала прилично зарабатывать? И получится ли у меня это?!

А Кравицкие точно не обидят сына деньгами и материальными перспективами.

Может быть, я не права, эгоистично лишая Илью обеспеченной жизни? Может, они осознали и готовы принять его в свою семью? Полюбить так же сильно, как и я?

Додумать не успеваю. В дверь начинает кто-то настойчиво стучать. Так сильно, что я пугаюсь.

– София Андреевна? – спрашивает высокая дама в очках, стоящая на пороге.

На ней белая блузка и темно-синяя юбка миди. За женщиной стоят молодая девушка и мужчина в строгой офисной одежде.

– Да, я, – холодеет спина от предчувствия неприятностей.

– Меня зовут Татьяна Анатольевна. Я из органов опеки. К нам поступила жалоба от соседей о том, что вы жестоко обращаетесь с ребенком, пренебрегаете своими родительскими обязанностями и в принципе не следите за мальчиком.

В первый момент я надеюсь, что они обознались.

С соседями у меня никогда не было проблем. У многих тут есть дети. И двое, и трое. И я более чем уверена, что с их стороны подобное просто не могло прилететь. Абсурд.

Да, может быть, я не идеальная мама, но уж точно не изверг и не дегенератка.

А после вспоминаю, что эти люди назвали точно мое имя. И я только что вернулась от человека, который пообещал устроить мне веселую жизнь, если я не отдам ему сына.

Наверное, стоило ожидать чего-то подобного, но я все же надеялась, что это произойдет чуть позже. Гораздо позже. Что за это время я успею найти выход из положения. Что слова Германа окажутся просто обычной страшилкой.

Признаюсь, наивно и безответственно с моей стороны.

Мне нужно было бежать сразу, как только я вышла из машины. Как только переступила порог дома Кравицких.

А теперь, глядя в бездушные глаза исполнителей закона, я понимаю, что уже поздно. Механизм запущен, и мне остается только держаться.

– Здравствуйте, – выдавливаю из себя онемевшими губами. – Простите, как обращаюсь?

– Жестоко и безответственно, – грудью прет вперед женщина.

Отталкивает меня в сторону и прямо в обуви заходит вовнутрь. Следом за ней по очереди идут сопровождающие.

В небольшом помещении на двадцать квадратов, поделенном на две комнаты перегородкой, становится тесно от такого количества народа.

Татьяна озирается вокруг, презрительно морща нос, и останавливается взглядом на Илюше. Подходит ближе, пристально осматривая его со всех сторон.

У сына содрана коленка, на лбу еле заметный синяк. Коленка – результат падения в парке во время прогулки, а синяк остался от игры в прятки, когда Илюша залез под стол.

Любому взрослому человеку, у которого есть дети, понятно, что это обычные царапины для малышей подобного возраста. Особенно летом, когда на ребенке минимум одежды.

Но по триумфу в глазах Татьяны я вижу, что она нашла то, что искала. И на все мои повисшие в воздухе оправдания звучит насмешливое:

– Ну вот же – наглядное доказательство! – Она тянется к ребенку, но сын, пугаясь незнакомых, пятится и прячется за меня. – Он еще и боится. Наталья, запиши: ребенок ведет себя странно, нервно реагирует на посторонних.

– Он вас не знает. И это нормальная реакция для малыша такого возраста! – Подхватываю Илюшу на руки и прижимаю к себе.

Целую в макушку, шепча ему ласковые слова.

– Так, а здесь что? – деловито продолжает Татьяна, подходя к холодильнику. Распахивает дверцу и начинает внимательно изучать содержимое.

Я на секунду закрываю глаза, мысленно матерясь на саму себя. Кто же знал, что именно сегодня на мою голову свалится столько неприятностей!? И именно в день, когда у меня кончились продукты, заявятся органы опеки!

– Я как раз собиралась в магазин, – все еще надеясь на чудо, оправдываюсь неуверенно.

– Ну конечно! А что еще вы могли сказать? Ни молока, ни фруктов. А зачем они, правда? Только деньги тратить, – передразнивает Татьяна. – Ребенок и без них обойдется. Зато бутылочка красненького имеется. Увлекаетесь? – машет она перед носом гранатовым вином, которое еще в прошлом году кто-то подарил на праздник.

Я почти не пью, а именно этот напиток еще и на вкус оказался ужасным. Так и стоял в холодильнике: и выбросить жалко, и пить никто не хотел.

Девушка, что пришла вместе с этой мегерой, фотографирует крупным планом вино и содержимое холодильника.

– Хватит! – не выдерживаю я. Выхватываю из ее рук эту проклятую бутылку, швыряя в мусорное ведро. – Прекратите! Мы прекрасно знаем, что никто на меня не жаловался. И это персональный заказ Германа Кравицкого! Так?

Дама приподнимает бровь, не опровергая и не соглашаясь. Давая мне шанс убедиться в том, что происходящее – дело рук биологических родителей Илюши.

– Соня, дочка, чай готов. Ой, – слышу голос мамы. – У нас гости? А что же ты их на пороге держишь? Заходите, – обращается она к мужчине, статуей застывшему у входа.

– Мама! – выдыхаю обреченно, вспоминая о родительнице.

Понимая, что она пришла в самый неподходящий момент. А зная о ее слабом здоровье, боюсь даже представить, каким стрессом обернется для нее эта ситуация.

Татьяна прижимается к стене, пропуская вторую хозяйку комнаты. Окидывая и ее оценивающим взглядом.

– Наташ, захвати в кадр вон тот угол с кучей тряпья крупным планом, – командует она издевательским тоном своей протеже.

– Соня, что происходит? Кто это?

– Мам, не волнуйся. Присядь. Все в порядке.

– Все в порядке у вас будет, когда вы одумаетесь и возьметесь за ум, София. Поверьте, лишение родительских прав поставит огромную кляксу в вашей автобиографии. И в будущем, если вы решите завести своих детей, – Татьяна делает особый акцент на последних словах, тем самым практически прямым текстом подтверждая мои догадки и опасения, – у вас могут быть крупные проблемы со стороны органов опеки. Мы пристально следим за такими семьями. Поэтому советую не делать глупостей, за которые вам потом придется расплачиваться всю оставшуюся жизнь.

– Сонечка, дочка, что ты натворила? – охает мама, бледнея на глазах.

Безжизненно оседая на стул и хватаясь за сердце.

– Уходите! Убирайтесь отсюда! Вон! – цежу сквозь зубы, стискивая руки в кулаки.

Едва сдерживая желание вцепиться в волосы этой продажной дряни.

Она ведь прекрасно все видит и понимает.

Останавливает только осознание того, что Татьяна всего лишь исполнитель.

– Подумайте и дайте ответ до вечера. Оставляю вам номер телефона, по которому со мной можно связаться. Поверьте, – смягчается на мгновение железная леди, – жизнь на этом не заканчивается. Вы молодая. У вас еще будут свои дети. А вот не своих... впрочем, вижу по глазам, вы все поняли.

Она оставляет на столе кусочек белоснежного картона с цифрами, кивает своим сопровождающим, и их троица покидает помещение.

Оставляя после себя гнетущую тишину и ощущение полного краха.

– Чай остыл, – нарушает молчание спустя почти десять минут мама. И добавляет следом: – Это за Илюшей приходили, да? И сегодня ты ездила не в гости, а к его родителям, так? Дочка, пожалуйста, не ври мне! Его хотят забрать у нас?

– Да, мам, – отвечаю шепотом. Провожу по волосам своего крохи и почти беззвучно добавляю: – Только я уже не смогу с ним расстаться.

Глава 5

Я смотрю на дверь моего кабинета, только-только закрывшуюся за суррогатной мамой моего сына, и до сих пор не могу нормально вздохнуть. Горло сдавливает невидимая петля.

Ослабляю узел галстука, а после и вовсе снимаю его, швыряя на диван. Расстегиваю верхние пуговицы рубашки.

Ощущение, что с уходом Софии и Ильи в комнате кончился кислород. Зачем я отпустил их? Сына так уж точно стоило забрать у нее уже сейчас.

Подумать только – два года! Моему мальчишке скоро будет два года, а я впервые увидел его. Взял на руки. Прикоснулся к чуду. По-другому и не скажешь.

Несколько лет назад тяжелая болезнь подкосила меня так, что я оказался одной ногой на том свете. Врачи разводили руками, боясь что-то обещать. Мне предстояло длительное лечение и серьезный курс химиотерапии, после которого возможность стать отцом равнялась нулю целых одной тысячной. Если не меньше.

Именно тогда нам предложили криоконсервацию эмбрионов как выход из положения в дальнейшем. О чем мы и задумались после моего успешного, если не сказать чудесного, выздоровления.

Но и тут нас ждала прорва проблем. У Саши обнаружились медицинские противопоказания. Какие-то проблемы по женской части. Плюс отрицательная группа крови, что еще больше повышало риск выкидыша. А рисковать мы не могли.

Увы, но в нашем случае попытки оплодотворения слишком ограничены.

Мы были вынуждены прибегнуть к помощи суррогатной мамы. Жена взяла на себя все заботы по подбору лучшей кандидатуры, я – по спонсированию всех затрат.

Вмешиваться в сей процесс у меня не вышло: проблемы в бизнесе на тот момент практически не оставляли свободного времени. Да и в моем присутствии не было никакого смысла.

Наконец подходящая девушка нашлась, процедура оплодотворения прошла успешно, и нам оставалось только ждать. Что, в принципе, мы и делали. До тех пор, пока костлявая снова не решила попробовать постучаться в мои двери.

Автокатастрофа, сложнейшая операция, два месяца в коме и полгода тяжелого реабилитационного периода. Никто не верил в благополучный исход. Как сказал мой лечащий врач, таких чудес на своем веку он еще не встречал.

Правда, на этом моменте чудеса заканчивались. Когда я очнулся и пришел в себя, меня ждал неприятный сюрприз. Наш малыш не выжил. У суррогатной мамы случился выкидыш.

Саша этот момент к тому времени пережила, забыв о нем еще до того, как я вышел из комы. Переключила свое внимание на мое здоровье. Она изначально не особо рвалась иметь детей, отмахиваясь от подобных разговоров. Убеждая меня, что мы еще молоды и стоит пожить для себя.

Не спорю, многие так и живут. Откладывают момент рождения детей на потом. На тот возраст, когда уже реально начинаешь задумываться о наследниках и тебя не отвлекают такие насущные проблемы, как где заработать и на что жить.

Только этим можно грешить в том случае, когда нет проблем со здоровьем. И если Саша еще могла стать матерью своего ребенка, то меня жизнь, увы, лишила такого шанса.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что она нормально приняла новость о выкидыше. Да, возможно, расстроилась. Не исключаю даже, что пару вечеров провела в плохом настроении. А может, и того не было. Мне уже не узнать.

Но факт остается фактом: для нее эта ситуация не стала смертельным ударом. В отличие от меня.

Я невольно тянусь рукой к графину с водой. Хочется чего-то покрепче, но сейчас не стоит злоупотреблять. Да и вообще, похоже, теперь придется менять многие привычки.

Долгое время я чувствовал себя овощем. В моральном плане. Так вышло, что мое бесплодие поменяло взгляд на происходящее. Я перестал бороться, стремиться к чему-то большому. Я просто умер в какой-то момент.

Потому как пришло понимание, что мне некому передать весь накопленный опыт. Что построенная с таким трудом империя после моей смерти достанется... кому? Саше? Она продаст все состояние за каких-нибудь пару-тройку лет. На гламурные тусовки и брендовые шмотки. На путешествия, украшения, операции по улучшению внешнего вида.

Ее не интересует бизнес. Она избавится от него в первую очередь. А не зная рынка, не умея распоряжаться активами, она продаст все за бесценок.

Предпочтя иметь синицу в руках. Но сегодня и сразу. Круглой суммой на банковском счете.

С моей стороны оставить Саше все свое имущество в таком виде, в каком оно есть, – априори обречь ее на нищенское существование. Как бы странно это ни звучало.

Поэтому новость о том, что суррогатная мама потеряла ребенка, лишила меня смысла жизни. Выбила из колеи.

Да, возможно, когда-нибудь я пришел бы к тому, что усыновленный из детского дома малыш – выход из положения.

Спасение семьи.

Когда-нибудь.

В следующей жизни.

А в этой, увы, все шло по наклонной.

Ровно до тех пор, пока я не узнал, что никакого выкидыша не было. И мой сын жив.

– Герман? Ты здесь? – открывается дверь кабинета.

На пороге появляется Саша.

Странно, что она дома. Обычно поход к визажисту – святое дело.

– Как видишь.

– А Даниэль? Он где? С няней?

Меня корбит от ее пафосного «Даниэля». Что за мода брать иностранные имена? Чем не угодно наш «Даниил», раз уж такое дело? Да и «Илья» мне тоже нравится. Богатырское имя. А помня розовые пухлые щечки сына и его силу, с которой он схватил меня своей ручонкой за палец, я не сомневаюсь, что таким он и вырастет.

– Нет. Я их отпустил, – выдыхаю устало.

Потому что сам до сих пор не уверен, что поступил правильно, надеясь, что Соня поймет свою ошибку и исправит ее.

Да, запугал немного. Возможно, даже где-то перегнул.

– Я так и знала! Герман, ты слишком добрый. Тебе не стоит вести себя так по отношению к этой дряни! Такие, как она, не признают человеческого отношения, неужели ты этого не понимаешь? К тому же мы еще не выяснили мотивов ее поступка. На кого она работает? Зачем ей это надо было? Если она тогда провернула такой финт ушами, подкупив и договорившись с врачом, то как ты можешь верить, что сейчас эта змея вдруг пойдет тебе навстречу? А если она прямо в данный момент садится на самолет, чтобы опять сбежать? Ты об этом подумал? – заводится Саша с полуоборота.

– Подумал, – отвечаю спокойно, обрубая ее поток претензий. – За ней присматривают мои люди, не волнуйся. Никуда она не денется. И не сбежит.

– А если она сделает что-нибудь плохое с нашим ребенком? – не унимается жена. И, пользуясь моей заминкой, продолжает напирать: – Ты о таком подумал?

– Если я сказал, что разберусь, значит, разберусь! – Саша знает, что в некоторых случаях со мной лучше не спорить.

Моего терпения хватает до определенного момента. А потом могут быть последствия. Но именно сейчас до нее почему-то не доходит, что пора прекращать действовать мне на нервы.

– С такими, как эта девка, разговоров вообще не стоит вести! А ты с ней нянькаешься! – ставит в упрек.

Я делаю глубокий вдох, сжимая пальцы в кулаки.

Когда-то я очень любил эту женщину. До такой степени, что не глядя шагнул в петлю, именуемую браком. Страсть накрыла внезапно и с головой.

Казалось, что это на всю жизнь. Что это именно она. Что нужно хватать и действовать, пока не поздно. Тем более что Саша умела подать себя с нужной стороны и с лихвой пользовалась мужским вниманием.

Тогда мне было плевать на многие аспекты, такие как материальное состояние, социальное положение, капризы ее характера и прочее. Меня просто переклинило на ней.

До идиотского состояния глухоты и слепоты.

Это сейчас я понимаю, что это не любовь. Страсть, помешательство, химия. Что угодно.

Это проходит. Со временем. И накрывает реальность. Понимание, что для крепкой семьи нужно что-то большее. А тогда...

В первые месяцы я практически вычеркнул сон из своих суток, не желая тратить ни минуты свободного времени. В моем списке остались работа, карьера и любимая женщина.

И я бы выставил приоритеты в другом порядке, если бы не понимал: без достаточных финансов я рискую потерять и Сашу, и дело всей своей жизни.

Как давно это было. И как сильно меняются ценности в жизни спустя годы.

– Хватит! – раздражаюсь всерьез.

– Ты вообще меня не слышишь, – обиженно поджимает губы Саша.

А мне хочется напомнить, что это она проморгала тот момент, когда София вдруг передумала отдавать нам малыша. Не убедилась в том, что суррогатная мама действительно потеряла ребенка, поверила на слово врачу, не проверила документы.

Да много чего еще.

Вся эта история с клиникой, которую выбрала Саша, пахивает явным мошенничеством. Сколько денег ушло на ЭКО, на подготовку, на оплату услуг?! А в итоге что?

У нас был единственный шанс, и благодаря Саше мы его чуть было не упустили.

– Герман, – продолжает жена, – я не намерена стоять в стороне и изображать статую. Это и мой ребенок тоже! Ты видел условия, в которых живет Дэни? А как тебе запах гнилого подвала в подъезде?! Да в таких местах одни бомжи и отбросы общества живут. Там нельзя оставлять ребенка ни на минуту. А ты отпустил их!

Я выжидаю пару минут после того, как Саша замолкает. Смотрю прямо в глаза, не моргая, зрительно давая понять, что пора закругляться. Потому, что еще немного – и я взорвусь.

Редко когда подобные приемы я отработывал на жене. Обычно хватало примеров на посторонних. Но сегодня, увы, не тот случай.

Саша недовольно фыркает, понимая, куда я клоню. Изображает негодование, но здравый смысл все-таки побеждает. Она молча покидает кабинет.

– Игорь? – набираю своего безопасника, когда убеждаюсь, что Саша ушла.

– Да, Герман? – тут же отзывается на том конце связи он.

– Что насчет Алисии Смоленко? Есть новости? – задаю один из мучающих меня вопросов.

Врач, которая вела беременность Софии, исчезла спустя год после этого случая. Внезапно уволилась и уехала в Европу, где ее следы терялись.

Никто из коллег не мог точно сказать почему и зачем. Кто-то предполагал, что нашла себе мужчину, кто-то просто утверждал, что решила сменить место жительства. Но все сходились в одном: Смоленко сорвалась неожиданно.

А только она могла дать ответы на кучу вопросов по поводу того, что же на самом деле произошло во время беременности суррогатной мамы.

– Пока тишина. Но мы работаем над этим. В любом случае, если она жива, мы выйдем на нее. Дело времени. Осталась бы она тут – нашли бы без проблем. А так, сам понимаешь, – извиняющимся тоном, рапортует он.

Только я не хочу ничего понимать. Из клиники, где делали ЭКО, уже уволился главврач и нажил себе кучу проблем владелец. А вот главную виновницу найти не удастся.

– Ладно, держи меня в курсе, – скидываю вызов.

Следом набираю ребятам, которые остались присматривать за домом Софии.

У меня из головы не выходит эта девчонка, как бы я ни старался не думать о ней. Большие зеленые глаза, курносый нос, пухлые губы без тени помады. Да и вообще я не заметил на ней ни капли косметики.

Я привык ежедневно видеть женщин в полном боевом раскрасе – Саша даже спать ложилась покрашенная, со специальным вечерним макияжем, и для меня естественная красота стала чем-то необычным и выбивающимся в современном мире.

Да, София довольно привлекательная девушка. Пройти в толпе и не заметить сложно.

Одни длинные вьющиеся волосы чего стоят! У Саши тоже такой тип волос, но, сколько помню, ее всегда раздражал этот факт. И она только и делала, что бегала по салонам, пытаясь выпрямить их. А вот мне нравились ее природные кудри.

Но больше всего в сегодняшней встрече меня зацепила решимость в глазах девчонки. Настоящая, самоотверженная. Какая бывает только у любящих родителей. Какой должны светиться глаза родной матери. А не той, кто обманым путем решила примерить на себя эту роль.

Глава 6

– Господи, дочка, и что же теперь делать? – Мама дрожащими руками достает из коробочки блистер с таблетками и пытается выдавить одну.

Прошло уже полдня с того момента, как она узнала правду. Но, как и я, до сих пор не пришла в себя.

– Ничего. Пусть пугают сколько угодно. Это просто психологическая атака. По сути, ничего они сделать не могут.

– Ты прости, Соня, но, может, они правы? Это их ребенок, и вполне естественно, что они хотят его вернуть, – осторожно закидывает удочку.

Да, я понимаю, что она переживает за меня. Волнуется, накручивая себя на полную катушку, особенно после слов недавних гостей.

Да, Илюша ей всего лишь внук, тем более неродной, а вот я – родная дочь.

Но внутри меня все протестует на подобное заявление:

– Мама, они отказались от него два года назад. От-ка-за-лись! Бросили, не желая знать. А теперь вдруг одумались? С чего вдруг? Решили поиграть в семью?

– Не говори так. Ситуации бывают разные. Мы же не знаем, что там у них на самом деле произошло?

– А ты бы меня тоже вот так просто отдала, случись чего?!

– Бог с тобой, Соня! – машет она рукой. – Не переворачивай все с ног на голову. Ты же знаешь, что я люблю Илюшу. Но если настоящие родители решили...

– Да ничего они не решили! – взрываюсь, как пороховая бочка. – Не нужен им сын. Иначе не случилась бы подобная ситуация. – Перед глазами всплывает образ Кравицкого, его взгляд, каким он смотрел на Илюшу, трепет, с которым он держал его на руках, и уверенность почему-то убавляется. – Я узнавала у юриста. Закон на нашей стороне.

Мама кладет таблетку на язык и запивает одним большим глотком воды.

– Это ты свою недоучку Кристину наслушалась? – кривится она. То ли от вкуса лекарства, то ли от моих слов. – Она назовет. Закон, может, и на нашей стороне, да только когда у людей есть деньги – он им не указ, – вздыхает тяжело. И добавляет примирительно: – Поешь чего-нибудь. Уже вечер, а ты так ни к чему и не притронулась.

Она демонстративно подходит к холодильнику, распахивая дверцу и гремя кастрюлями. Выбор из еды небогатый. За продуктами я так и не сходила, боясь даже на полчаса оставить Илюшу. Хотя здравый смысл нашептывал, что если Кравицкий захочет, то вряд ли я смогу ему помешать. А сейчас он просто играет со мной, как кот с мышкой.

– Ну хоть макароны разогрею? Или картошки пожарить? – не унимается мама.

Я понимаю, что спорить с ней бесполезно, поэтому соглашаюсь на картошку.

Мама идет на кухню, прихватив с собой пакет с овощами, а я сажусь рядом с Илюшей, помогая ему собирать пирамидку.

Визит сотрудников органов опеки оставил неприятный осадок. После их ухода я сделала генеральную уборку в комнате, перебрала вещи, закинула в стирку все мягкие игрушки Илюши.

Понимаю, что это вряд ли чем-то поможет, но мне нужно было хоть куда-нибудь деть негативную энергию. Ну и навести порядок. Как в вещах, так и в мыслях. Решить, что делать дальше и как выпутываться из ситуации.

Но пока ничего дельного, кроме как бежать, в голову не лезло.

– Нет, низя! Касный! – мотает головой сынишка, убирая мой кубик из пирамидки и ставя на его место красный.

– Хорошо. Красный так красный, – машинально соглашаюсь я.

И вздрагиваю от очередного стука в дверь. Пугаясь очередных гостей. Потому что, как показывает практика, сегодня никого и ничего хорошего ждать не стоит.

Мне жутко не хочется никого видеть, но стук повторяется. Изображать, что никого нет дома, не имеет смысла. В любой момент может вернуться мама с кухни. Поэтому, мысленно перекрестившись, я все же иду к двери.

– Леша? – вылетает удивленно, когда на пороге за букетом цветов я узнаю довольное лицо своего парня.

– Привет! Это тебе, – протягивает он презент.

Я теряюсь в первый момент, вспоминая, точно ли писала ему смс о том, что не смогу встретиться, или только хотела, но так и не сделала?

– Спасибо, но...

– Я решил, что форс-мажор не повод для того, чтобы отказываться от приятностей, а если честно – просто соскучился. Почти неделю тебя не видел! – оправдывается он.

– Четыре дня, – поправляю его, криво улыбаясь.

Не то чтобы я ему не рада, но сейчас я точно не настроена на романтик.

Хотя в чем-то он прав. Последние дни я совсем исчезла с горизонта. Даже писать ему перестала. Днем он работе, а вечером у меня были внеплановые занятия с учениками. То не вовремя, то некогда.

И даже сегодня, в нашу скромную, но все же дату, я отказалась встретиться.

– Я же говорю – целая вечность! Не переживай, я ненадолго. Просто забежал поздравить, обнять тебя. Впустишь или совсем нет минутки?

Становится стыдно. Лешка действительно хороший парень. Мы познакомились с ним, когда гуляли с Илюшей в городском парке. В какой-то момент сынуля неудачно упал, сильно поранив руку. Большое количество крови вызвало у меня приступ паники, а отсутствие под рукой дезинфицирующих и кровоостанавливающих средств и вовсе ввело в ступор.

Я позорно растерялась, не зная, куда бежать, кого звать, что делать в первую очередь.

Именно в тот момент мимо проходил Алексей. Быстро оценив обстановку, он командовал идти за ним, до машины на стоянке, в которой имелась аптечка. Рану промыли водой из бутылки, купленной в рядом стоящем ларьке. Замотали бинтом и на его авто помчались в ближайший травмпункт.

Он так четко и спокойно командовал, что я ни на секунду не засомневалась, выполняя все указания.

Благодаря ему все обошлось благополучно. Илюше наложили два шва и отпустили домой. Сынуля даже не плакал. Чего не скажешь о маме, которая чуть не поседела, пока сыну промывали и зашивали рану.

Леша не уехал. Ждал в коридоре. И предложил подвезти до дома, когда нас отпустили. Денег брать наотрез отказался, а вот номер телефона попросил. Так мы и начали вначале просто общаться по интернету, потом видеться, а после уже и встречаться.

Меня подкупило его отношение к детям. В частности, к Илюше. Лешка почти никогда не приходил с пустыми руками. Пусть это были недорогие знаки внимания, но он не забывал об Илье и никогда не игнорировал его, балуя всевозможными игрушками, фруктами, книжками. Всегда справлялся о его здоровье и с удовольствием возился с ребенком, когда приходил в гости. Такое отношение нечасто встретишь даже среди родных отцов, чего уж говорить о посторонних.

Сын подружился с ним довольно быстро, реагируя на каждый визит дяди Лешки радостным визгом.

– Проходи, – смягчаюсь я.

Прижимаюсь к стене и пропускаю его в дом.

Леша целует меня в щеку, по-хозяйски входя в комнату. Правда, в следующее мгновение оборачивается и осторожно спрашивает:

– Я точно не помешаю?

– Нет, все в порядке.

– А почему отказалась от ресторана? – вглядывается пристально в лицо.

– Проблемы, – признаюсь честно.

Илюша узнает любимого гостя. Бросает пирамидку и бежит навстречу, протягивая ручки.

– Привет, богатырь! Ну как дела? Маме помогаешь? – подхватывает его Лешка, подбрасывая к потолку так, что у меня захватывает дух. Илюша смеется, цепляясь за крепкие мужские плечи. – Держи! Будет еще одна. – Достает из кармана небольшую коллекционную машинку и ставит на стенку, рядом с тремя подобными. – Соберем их все?

– Вуди! – восторженно хватается игрушку Илья.

Сын раскладывает на полу все свои автомобили, напрочь забывая о нашем присутствии.

– Ну так что? Расскажешь, что случилось? – разворачивается ко мне Леша.

Я тяжело вздыхаю, не зная, что ответить. Я не рассказывала ему о том, что сына изначально должна была отдать. И о том, как он стал моим ребенком, тоже молчала.

Да и сейчас не уверена, нужно ли говорить об этом. Но одна я не справлюсь, а больше обратиться за помощью мне не к кому.

Поэтому, взвесив все за и против, прихожу к мнению, что Леша имеет право знать.

Начинаю с самого начала. От кого узнала о клинике, почему пошла на этот шаг, как металась, не зная, что делать, когда от Илюши отказались биологические родители, как приняла решение оставить и воспитывать его, как родного. Аккуратно подвожу к событиям сегодняшнего дня.

Леша слушает внимательно, не перебивая. Хмурится иногда, барабанив пальцами по столу.

И, когда я с замиранием сердца заканчиваю свой рассказ, продолжает задумчиво молчать.

– Вот такие дела, – кусаю нервно губы. – Бежать мне некуда, а другого выхода я не вижу.

– Почему же некуда? – глухо отзывается Леша, глядя в одну точку. Я беспомощно развожу руками. – У нас пустует дом в деревне. В двухстах километрах отсюда. В соседней области. От бабушки остался. Конечно, не пять звезд, но жить вполне реально. Временно. Там и мебель вся, и посуда – ничего не забирали. Первое время можно остановиться там. А потом... у нас огромная страна. Езжай куда глаза глядят. Мне вот, например, Сибирь нравится. Я бы туда с удовольствием махнул, да повода не было. Вроде как есть какая-никакая работа здесь, чего дергаться? А так... – Он переводит взгляд на меня и ободряюще подмигивает. – Не бойся. Прорвемся. А вот продукты купить стоит сейчас. Одевайся, пока магазин открыт. Как раз на машине и привезем, чтобы не таскала лишний раз.

Его предложение насчет бабушкиного дома мне не по душе. Не знаю почему, но интуиция нашептывает, что это плохая идея. Я почти уверена, что подобным шагом могу спровоцировать еще большие неприятности.

Хотя, честно говоря, мне сейчас ничего не нравится. Как вариант, рассмотреть, конечно, можно. Позже. А вот предложение съездить за продуктами как раз вовремя.

– Лешенька! – чуть не роняет от радости сковороду с дымящейся картошкой мама. Она как раз в эту минуту возвращается с моим ужином. Ставит его на подставку для горячего и, суетясь, двигает к столу лишний стул. – Здравствуй, дорогой! А мы кушать собирались. Садись, садись. Тут на троих хватит, – заботливо командует она.

Вот уж кто рад моему парню больше меня. И даже больше Илюши.

Мама давно мечтала, чтобы я нашла достойного мужчину, вышла замуж. До знакомства с Алексеем она чуть ли не каждый день тонко намекала на то, что пора бы перестать перебирать

кандидатов. У всех есть свои недостатки, и если я не научусь мириться с ними, то останусь никому не нужной старой девой. Наверное, самый большой страх мамы.

После смерти отца она поставила крест на своей личной жизни. И перенесла всю нерас-траченную заботу и любовь на меня в двойном размере. Хорошо хоть, тут нет кучи знакомых, у которых замечательные сыновья! А то, чую, отбивалась бы я каждую неделю от женихов.

Поэтому, когда в моей жизни появился Алексей, мама нарадоваться не могла, предвку-шая скорую свадьбу.

– Добрый вечер! Я ненадолго. Если только Соня не передумает, – приветливо улыбается Леша.

Но от приглашения присоединиться не отказывается. Он в принципе никогда не перечит будущей теще. Чем еще больше заслуживает ее доверия.

Ужин проходит в спокойной семейной обстановке. Картошка в этот раз у мамы получи-лась на ура: вкусная, с хрустящей корочкой. Леша с аппетитом уминает всю тарелку и, что уже характерно, вовсю нахваливает хозяйку.

– Ну что, поехали? – вспоминает он, когда трапеза заканчивается.

– Сейчас, только Илюшу соберу, – киваю согласно.

– Зачем? Можешь его дома оставить. Я присмотрю, – вклинивается мама, предлагая свою помощь.

– Нет. Он поедет со мной. Леш, дай нам пять минут.

Я отвожу взгляд от растерянной родительницы. Но именно сейчас я боюсь расставаться с сыном даже на полчаса. Кто знает, какими методами решит действовать дальше Кравицкий. А мама вряд ли сможет противостоять амбалам Германа. Хотя и я тоже. Но все же, когда сын со мной, мне спокойнее.

Переодевшись, мы выходим во двор. Леша ждет нас в машине.

Я невольно осматриваю территорию, ожидая наткнуться на какой-нибудь массивный джип, полный бритоголовых секьюрити. На улице гоняет детвора, сидят соседки на лавочке, какая-то девушка, стоя у качелей, печатает что-то в телефоне. Ничего подозрительного.

Я полной грудью вдыхаю свежий воздух и, убедившись, что все в порядке, сажусь с сыном в машину.

Дорога до гипермаркета занимает минут десять. Пробок уже нет. Мы спокойно катимся по пустынным улицам, открыв окна и наслаждаясь вечерней прохладой.

Уже в магазине, вспомнив про визит органов опеки, я набираю в первую очередь кучу фруктов и детского питания. Наверняка они наведуются еще. И в этот раз я должна быть готова.

– Соня? – тихо окликает меня Леша. – Это твоя соседка? – указывает взглядом на ту самую девушку, что встретила нам во дворе с телефоном.

Сейчас она с интересом изучает товар на полках в соседнем ряду. В груди леденеет. Воз-дух становится тяжелым, вязким, отравленным.

Может ли это быть совпадением? В конце концов, люди часто посещают именно этот гипермаркет. Тут самые доступные цены, частые акции, огромный ассортимент товаров.

Я отрицательно машу головой, стараясь не привлекать внимания. Леша смотрит испод-лобья.

– Пойдем на кассу? Я уже все взяла, – прошу тихо.

Мы оплачиваем покупки и выходим из здания. Садимся в машину.

Я без слов понимаю, чего ждет Алексей, не отъезжая.

– Давай кое-что проверим? – предлагает он, не сводя взгляда с незнакомки, которая садится на пассажирское сиденье неприметной старенькой иномарки.

– Что? Как?

– Проедем еще по парочке магазинов? Может, нам действительно показалось?

Глава 7

На улице плюс двадцать пять. Дневная жара постепенно спадает. Ей на смену приходит мягкая вечерняя прохлада.

Я нахожу Илюшину кепочку, и мы выходим во двор.

На улице все так же тихо, спокойно, но теперь я точно знаю, что где-то совсем рядом дежурят люди Кравицкого. Мы с Лешей проверяли это уже не раз. И в каждый такой эксперимент убеждались, что далеко нам уйти не дадут.

Хотя, кроме этого, в последние дни никто больше не тревожил. Ни органы опеки, ни другие неприятные личности.

К слову сказать, сейчас к визиту первых я была готова в любую минуту. Нет худа без добра. Если раньше я могла лениться и не убирать сразу же игрушки Илюши, вовремя не заправить кровать или не сходить в магазин, то больше подобных вольностей я себе не позволяла. Стала практически образцовой мамой.

К тому же неизвестно, каких еще козней мне стоило ждать от этой семейки. Вдруг они завтра телевизионщиков на меня натравят? Или блогеров?

Леша, правда, был иного мнения. Он уверял, что меня просто берут на измор. Накручивают, запугивают, подводят к тому, чтобы я сама добровольно отдала им сына.

Возможно, так и есть, но рисковать я не готова.

Мы идем к детской площадке, где находится любимая горка Ильи. Сынишка тянет руки и, как только я расстегиваю страховочные ремни на коляске, тут же бежит к игровому комплексу.

Скатывается несколько раз, но спустя пять минут увлекается детишками постарше, катающимися на велосипедах. Я хотела купить ему этим летом трехколесный, но потом то цена не устраивала, то денег не было. Решила повременить до осени. Как раз когда на них пойдут хорошие скидки.

Догнать никого из ребятишек у него так и не получается, и сын обиженный возвращается ко мне. Смешно дует губы, выпрашивая, чтобы его пожалели.

– Илья, сынок, иди сюда! Посмотри, что я тебе приготовил? – слышу знакомый голос и вздрагиваю от неожиданности.

Это самый обычный двор. С самыми обычными многоэтажками времен Брежнева, а то и Хрущева. И детская площадка, наверное, тех же лет, кроме нашей любимой спиральной горки с домиком. Поэтому очень странно среди людей со средним, а то и низким доходом увидеть самого настоящего миллиардера.

Правда, сейчас Герман ничем не отличается от местных горожан. Бело-голубая футболка, светлые штаны, кроссовки. Рядом с ним нет шкафоподобных секьюрити, дорогого авто или модельной внешности жены. И он ничем не отличается от отдыхающих на лавочках пап снующей рядом детворы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.